

Лора Блэк

Эхо пустых комнат

Лора Блэк

Эхо пустых комнат

<https://litres.ru/74315812>

SelfPub; 2026

Аннотация

Запах старой кожи, пепла и... запекшейся крови. Реставратор Елена Валевская привыкла чинить то, что другие считают прахом. Но когда загадочный миллионер Марк Левандовский приносит в её мастерскую обгоревший дневник XIX века, её жизнь превращается в кошмар.

Вскоре людей из окружения Елены начинают находить мертвыми. Жестокие убийства пугающе точны, а на телах жертв оставляют цитаты со страниц, которые Елена только что перевела. Почерк ведет к Марку, но непреодолимое влечение к нему мешает ей мыслить здраво.

Елена оказывается в психологической ловушке: она заперта в роскошном особняке у океана, где каждый поцелуй может стать смертельным. Кто Марк — спаситель или безжалостный кукловод? Ей предстоит принять правила игры, ведь чтобы выжить в замке монстра, нужно самой стать чудовищем.

Содержание

Часть I. Глава 1: Запах старой кожи и пепла	4
Глава 2: Первая страница, первая жертва.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Лора Блэк

Эхо пустых комнат

Часть I. Глава 1: Запах старой кожи и пепла

Запах старых книг всегда действовал на Елену как сильное успокоительное. В её реставрационной мастерской, спрятанной в полуподвале старого кирпичного переулочка, время словно замедляло свой ход. Здесь пахло сухой столетней бумагой, пчелиным воском, животным клеем и едва уловимо — лавандовым маслом, которое она капала на лампу, чтобы перебить тяжелый дух сырости. Елена любила эту тишину. Книжки не задавали лишних вопросов, не требовали объяснений и, в отличие от людей, их можно было починить. Почти любую разорванную страничку можно было склеить тончайшей микалентной бумагой, любой обветшалый переплет — укрепить новой кожей. Свою собственную жизнь, надломленную после тяжелого и болезненного развода с Олегом, Елена чинила точно так же — медленно, изолируясь от мира за тяжелой дубовой дверью мастерской. В тот дождливый ноябрьский вечер на город опустились густые, преждевременные сумерки. Дождь монотонно стучал

по низким окнам, выходящим вровень с асфальтом. Елена работала под мягким светом бестеневой лампы, аккуратно отделяя скальпелем пораженные грибом листы немецкого атласа magnetism восемнадцатого века. Вдруг колокольчик над входной дверью резко звякнул. Елена вздрогнула. Часы на стене показывали без четверти девять. Клиенты так поздно не приходили. Шаги на лестнице были тяжелыми, уверенными и неторопливыми. В мастерскую вошел мужчина. Он был высоким, в длинном темном пальто, на плечах которого блестели капли дождя. Мужчина снял дорогую фетровую шляпу, и Елена успела заметить его лицо — резкие, словно высеченные из мрамора черты, бледная кожа и холодные серые глаза, которые мгновенно осмотрели комнату, задержавшись на ней самой. Вместе с ним в сухой воздух мастерской ворвался чужой, тревожный запах: сырость ночного города, дорогой табак и горький, едва уловимый парфюм с нотами ветивера и кедра. — Добрый вечер. Вы ведь Елена Валевская? — его голос был тихим, низким, но в нем вибрировала странная, почти гипнотическая сила. — Да, это я, — Елена инстинктивно сжала скальпель чуть крепче. — Но мы уже закрыты. Если у вас заказ, вам лучше прийти завтра утром... — Мой заказ не терпит до утра, — мягко перебил её незнакомец. Он подошел к реставрационному столу. Его движения были точными, грациозными, как у хищника. Мужчина аккуратно положил на зелёное сукно стола увесистый сверток, обернутый в плотный черный шелк. — Мне сказали, вы

лучшая в этом городе, — продолжил он, глядя ей прямо в глаза. — Говорили, что вы возвращаете к жизни то, что другие считают прахом. Меня зовут Марк. Марк Левандовский. И мне очень нужна ваша помощь. Елена помедлила, но профессиональное любопытство пересилило осторожность. Она потянула за край шелковой ленты. Ткань соскользнула, обнажая содержимое. На столе лежал старинный фолиант. Его кожаный переплет был сильно обуглен по краям, местами превратившись в черную хрупкую корку. Латунные застёжки, когда-то удерживавшие книгу закрытой, были грубо сорваны — металл погнулся, словно его выламывали с мясом. Но сильнее всего Елену поразило другое. Когда она осторожно, едва дыша, приоткрыла уцелевший форзац, её пальцы коснулись темных, глубоких пятен, глубоко въевшихся в волокна пожелтевшей бумаги. Она слишком долго работала со старыми вещами, чтобы перепутать это с чернилами, пролитым вином или плесенью. Железистый, бурый оттенок говорил об одном. Это была кровь. Очень много крови, которая когда-то буквально пропитала эти страницы. — Что это? — тихо спросила Елена, чувствуя, как внутри зарождается непонятная тревога. — Дневник, — ответил Марк. Он сделал шаг вперед, сокращая расстояние между ними до минимума. Елена почувствовала исходящее от него тепло, и её сердце внезапно забилось в неестественном, рваном ритме. — Личные записи человека, жившего в девятнадцатом веке. Этот дневник был найден в подвале сгоревшего особняка.

— Здесь кровь, Марк... — Елена подняла на него глаза, пытаясь прочесть хоть что-то на его лице. Но Марк оставался непроницаем. Его серые глаза казались холодными зеркалами, но на самом их дне горел опасный, лихорадочный огонь.

— Кровь тех, кто пытался встать между автором этого дневника и его судьбой, — Марк едва заметно улыбнулся, и эта улыбка была одновременно завораживающей и пугающей. — Это хроника человека, который любил слишком сильно. И который уничтожил объект своей страсти, чтобы она не досталась никому другому. Восстановите его, Елена. Мне нужны его скрытые, обгоревшие страницы. Я хочу знать, чем закончилась эта история. Марк достал из кармана пальто запечатанный конверт и положил его рядом с обгоревшей книгой. Через плотную бумагу угадывалась внушительная пачка крупных купюр. — Это аванс. Здесь втрое больше вашей обычной ставки. Но у меня есть одно условие: книга не должна покидать эти стены, и никто, кроме вас, не должен видеть её контент. Мы договорились? Елена посмотрела на обгоревшую кожу переплета, затем на конверт и, наконец, на Марка. Её разум кричал о том, что от этого человека и его жуткой реликвии нужно держаться как можно дальше. Но какая-то темная, дремавшая глубоко внутри часть её души — то самое дикое, неконтролируемое любопытство, которое всегда тянуло её к сломанным вещам — заставила её кивнуть. — Хорошо. Я посмотрю, что можно сделать. — Я не сомневался в вас, Елена, — тихо произнес Марк. Он слегка

наклонил голову, прощаясь, повернулся и покинул мастерскую так же бесшумно, как и вошел. Когда за ним захлопнулась дверь, Елена еще долго стояла недвижимо. Ей казалось, что вместе с этой обгоревшей книгой в её тихую, изолированную жизнь вошло что-то огромное, темное и неотвратимое. Елена проводила пальцами по корешку книги, стараясь не дышать слишком глубоко. На ощупь обугленная кожа напоминала чешую какого-то мертвого, доисторического ящера. Она крошилась под подушечками пальцев, оставляя на коже мелкую черную пыль, которая тут же въедалась в поры. В реставрационном деле спешка была равносильна убийству, но этот фолиант вызывал у неё странный, почти лихорадочный зуд. Ей хотелось не просто восстановить его — ей хотелось содрать с него этот слой пепла и узнать, чья кровь заставила страницы склеиться в единый, нечитаемый монолит. Она аккуратно перенесла сверток на рабочий стол, под самую мощную бестеневую лампу. Мягкий, хирургически точный свет безжалостно обнажил все шрамы старинного переплета. Латунные застёжки, когда-то отлитые в форме переплетенных виноградных лоз, были не просто сломаны. Их вывернули с мясом, выдрав куски деревянной основы крышки. Тот, кто открывал эту книгу в последний раз, действовал в ярости. Или в безумной спешке. Елена включила увлажнитель воздуха и выставила деликатный режим. Прежде чем разделять листы, бумагу нужно было напитать влагой, иначе сухие, обгоревшие края просто рассыпались бы в пыль.

под её инструментами. Она достала из ящика тонкий костяной нож — её любимый инструмент, отполированный годами работы до зеркального блеска. Ей всегда казалось, что кость чувствует старую бумагу лучше, чем бездушная сталь скальпеля. Осторожно, едва касаясь, Елена завела кончик ножа под верхний уцелевший форзац. Бумага тихо, протестуя, хрустнула. Запах пепла мгновенно усилился, забивая лавандовый аромат лампы. Из-под обгоревшего края показался первый фрагмент текста, написанный выцветшими, но всё ещё разборчивыми чернилами с характерным для девятнадцатого века наклоном. Почерк был острым, размашистым, с глубоким нажимом — так пишут люди авторитарные, привыкшие, чтобы мир прогибался под их волю.»... её смех разносится по пустым коридорам, и каждый этот звук — как удар раскаленной иглы в мой мозг. Она думает, что принадлежит себе. Какое глупое, детское заблуждение. Она принадлежит этому дому, этим стенам и мне. Каждой каплей своей чистой, наивной крови...» Елена отдернула руку, словно обжёгшись. Пальцы слегка дрожали. Это был не просто дневник купца или скучающего аристократа. Из этих строк веяло тяжелым, осязаемым безумием. Она перевела взгляд на окно. Дождь снаружи превратился в настоящий потоп, потоки воды размывали свет редких уличных фонарей, превращая ночной город в зыбкое, серое марево. Мысли невольно вернулись к Марку. К его безупречному пальто, холодному взгляду и тому, как уверенно он заполнил собой всё про-

странство её маленькой мастерской. Кто он такой? Архитектор? Коллекционер? Откуда у него эта книга? Особняк, про который он говорил — где он находится? В черте города не было заброшенных усадеб, сгоревших недавно. Значит, он привез её издалека. Елена подошла к сейфу, открыла тяжелую дверцу и положила туда шелковый сверток с дневником. Рядом лег запечатанный конверт с деньгами. Ей нужно было поспать. Тяжелый день, мысли об Олеге, который снова обострил свои преследования на прошлой неделе, и этот загадочный визит истощили её до предела. Она выключила лампу, погрузив мастерскую в полумрак, нарушаемый только тусклым светом с улицы. Заперев дубовую дверь на три оборота замка, Елена вышла под холодный ноябрьский дождь, даже не подозревая, что шестеренки механизма, созданного Марком, уже пришли в движение, и первая жертва уже сделала свой последний вдох на другом конце города.

Глава 2: Первая страница, первая жертва.

Утро пятницы началось с липкого, серого тумана, который намертво забил улицы города. Елена пришла в мастерскую раньше обычного. Ночной сон не принес облегчения — ей снились пустые обгоревшие залы, шорох осыпающегося пепла и холодные серые глаза, следившие за ней из темноты. Она сразу заперла дверь изнутри и подошла к сейфу. Достав обгоревший дневник, Елена положила его на рабочее место. Сегодня нужно было продвинуться глубже. Включив увлажнитель и настроив свет, она взяла специальный пинцет с мягкими лапками и тонкую кисть из волоса колонка. Кровь на страницах действовала как цемент: листы склеились так плотно, что малейшее неосторожное движение могло превратить исторический документ в бесформенные хлопья. Елена капля за каплей наносила слабый спиртовой раствор на затвердевшие бурые края. Это была ювелирная, изнуряющая работа. Прошел час, затем второй. Спина затекла, глаза слезились от напряжения, но упорство реставратора принесло плоды — третья страница поддалась и с едва слышным вздохом отделилась от последующих. На этот раз чернила сохранились лучше, хотя в некоторых местах текст прерывался жирными кляксами. Елена наклонилась ниже и начала чи-

тать, тихо переводя старинные обороты: «...Любовь требует очищения. Настоящее чувство невозможно взрастить в грязи этого мира, среди завистливых глаз и фальшивых улыбок. Чтобы соединиться в вечности, нужно смыть земную грязь. Нужно убрать всё лишнее, всё, что отвлекает её взгляд от меня. Очищение будет болезненным, но это единственная жертва, которую примет алтарь истинной страсти...» Елена шумно выдохнула. От этих строк по коже побежали мурашки. Автор дневника явно оправдывал какое-то насилие высшими чувствами. В её сознании мгновенно всплыл образ Марка Левандовского. Его слова накануне вечером пугающе перекликались с тем, что она только что прочла: «Любовь — это тоже своего рода уничтожение...» Была ли это случайность, или Марк принес ей эту книгу, потому что сам разделял эти безумные идеи? Размышления прервал резкий, пронзительный звонок мобильного телефона. Звук в тишине полуподвала заставил Елену вздрогнуть так сильно, что она выронила пинцет. На экране светилось имя: «Савельев». Игорь Савельев был старшим лейтенантом полиции и старым другом её семьи. Именно он помогал Елене оформлять бесконечные заявления на бывшего мужа Олега, когда тот после развода потерял рассудок и начал преследовать её, караулить у подъезда и слать угрозы. — Алло, Игорь? — Елена прижала трубку к уху, чувствуя, как внутри нарастает смутная тревога. Голос детектива в трубке обычно был бодрым и уверенным, но сейчас он звучал глухо, почти безжизнен-

но.— Лена... Ты в мастерской? — спросил Савельев. На заднем плане слышался какой-то шум, рации и вой сирен.— Да, в мастерской. Что-то случилось? Игорь, не молчи.— Лена, мне очень жаль, но я должен тебе это сказать до того, как информация попадет в прессу. Твой бывший муж. Олег. Его нашли пару часов назад. В его собственной квартире. Елена замерла. Воздух в легких словно превратился в лед. Олег мертв? Человек, который превратил последние полтора года её жизни в непрекращающийся кошмар, который заставлял её вздрагивать от каждого шороха и проверять замки по десять раз в день, больше не существовал. Первой, самой постыдной и дикой эмоцией, которая захлестнула её, было облегчение. Огромная, тяжелая плита свалилась с её плеч. Ей больше не нужно было бояться. Но следом пришел леденящий страх.— Как... как это произошло? Сердце? — тихо спросила она, надеясь на естественные причины.— Нет, Лена. Это убийство. И очень жестокое, — Савельев тяжело вздохнул в трубку. — Его зарезали. Действовали профессионально, ни одной лишней улики, никаких следов борьбы. Убийца вошел, сделал свое дело и ушел. Но это еще не все. Эксперты сейчас работают на месте... Лена, это звучит безумно, но убийца оставил послание. Прямо на груди Олега. Черными чернилами, аккуратным каллиграфическим почерком выведена одна фраза. У Елены потемнело в глазах. Стены мастерской словно начали сжиматься, давя на нее со всех сторон.— Какая фраза, Игорь? — её голос сорвался на

шепот. Она уже знала ответ, но молила бога, чтобы это совпадение оказалось лишь плодом её воспаленного воображения.— Фраза звучит так: «Чтобы соединиться в вечности, нужно смыть земную грязь». Лена, тебе это о чем-нибудь говорит? У Олега были враги из каких-то сект? Или... Елена не дослушала. Телефон выпал из её ослабевших пальцев и с глухим стуком покатился по деревянному полу. Она смотрела на рабочий стол, где под безжалостным белым светом лампы лежала страница старинного дневника. Те самые слова. Буква в букву. Написанные сто пятьдесят лет назад и воспроизведенные сегодня ночью на теле человека, который портил ей жизнь. Книга, содержащая эти строки, лежала в её закрытом сейфе. Никто не мог её видеть. Никто, кроме нее самой. И Марка Левандовского. Елена сползла по стулу, обхватив плечи руками. Ловушка, о которой она даже не подозревала, захлопнулась с глухим, едва слышным щелчком. Марк не просто принес ей старую книгу. Он принес ей сценарий, по которому прямо сейчас кто-то начал убивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.